

Андрей Ширяев – поэт-космист, два космоса которого – внутренний и наружный – равновелики. Удивительное дело – традиционные стихи Ширяева были опубликованы в авангардном журнале «Фуцурум Арт» ещё в 2008 году, при жизни Андрея. Здесь, как мне кажется, под «авангардом» следует понимать принципиально новую поэзию. И это вовсе не обязательно – нерифмованные верлибры без знаков препинания. Авангардно звучать могут и традиционные по форме стихотворения с новым мелодическим строем и новой аранжировкой. В случае с Андреем Ширяевым это проявилось в полной мере. Его стихи представляются мне заключительным аккордом в русской поэзии Серебряного века, хотя это уже совсем другой век. Но эстетически стихи Ширяева идут в традиции позднего Кузьмина («Форель разбивает лёд»), поздней Ахматовой («Поэма без героя»), а также Осипа Мандельштама времён «тяжести и нежности». Вместе с тем, слышатся в его поэзии и метаметафористы конца XX-го века. Универсальный гений Ширяева переплавил в своём тигле множество чужих миров, выработав свой особый, «ширяевский» звук.

...и сражение роз неизбежно, и злой лепесток
в трансильванскую глушь заскучавшими пальцами сослан,
и неспешно галеры сквозь сердце идут на восток,
погружая в остывшую кровь деревянные весла.

Здесь, где кожа подобна пергаменту, падают ниц
даже зимние звезды и мята вина не остудит,
бормочу, отражая зрачками осколки зарниц:
будь что будет...

Так ли больно тебе, как тебе не умеется знать
об искусстве любви, безыскусный мой, бедный Овидий?
Одиночество пить, как вино, и вином запивать
одиночество в чашках аптекарских взломанных мидий.
Говори мне: кому – я? Зачем я на этих весах?
Кто меня уравнивает с другими в похмельной отчизне?
...а прекрасный восток оживает в прекрасных глазах
слишком поздно для жизни.

Каждый настоящий поэт неизбежно задаёт себе (и Богу) эти стержневые вопросы – «кому я? Зачем я на этих весах?». Но немногим дано посмотреть на свою жизнь из будущего. У Андрея Ширяева практически нет противительных союзов – «но», «хотя». Он словно бы бесконечно длит одно бесконечное предложение, скрепляя его части соединительным союзом «и», либо вообще обходится без союзов. И, таким образом, длит мгновение. Рифма Ширяева тяготеет к точности: лики – повилики, скуку – звуку, мидий – Овидий. Он сводит в одно целое противоположности: блаженство и смерть. Я вообще не припоминаю, чтобы кто-то так писал о смерти – в мажоре.

В этой музыке смерть музыканта – блаженство и снег.
Он творит свои цепи в пространстве и тяжкие звенья
закрывает, себя замыкая во сне, и во сне
всё равно замерзает от каждого прикосновенья.

Он творит эту музыку, руки и губы её,
и не зная границ, точно бог, создает себе бога
так безудержно, так безнадежно, так тело своё
он бросает с небес на дорогу и видит: дорога

всё уводит, всё дальше в чужое, в чумное, домой,
мимо глинистых круч побережья, чьи тусклые лики
изуродовал шторм предрассветный, и пахнет зимой
от горячечных стеблей ползущей к нему повилики.

Он, как мальчик дворовый, терзает проколотый мяч
запылённого солнца и хлещет по окнам лучами,
и хватает мерцающий альт, и выводит: не плачь, –
и смеется, колдуя, и все-таки плачет ночами.

Он берёт этот воск, этот вереск, и каменный рот
исковеркав гримасой, поет её тёмную скуку;
он творит эту гибель, он знает, что завтра умрёт,
отдавая остатки огня непокорному звуку.

Климат экватора подорвал здоровье поэта непривычной для северян тропической влажностью. И когда Андрею стало ясно, что ему уготована в ближайшем будущем участь «овоща», он дописал последнюю книгу и выстрелил в себя. «Заройте меня в космос» – по-хлебниковски сказал поэт, не обременённый привычными религиозными обетами. «Благодарим прекрасную судьбу за то, что мы не поняли друг друга», – говорит Андрей Ширяев. Даже непонимание между любящими и любимыми, даже непонимание современниками крылатых строк – прекрасно! Вот какого удивительного поэта мы обрели, когда его потеряли.